

— Какое ещё «перерастание количества в качество»? — нервно переспросил Сун И.

— Ну... — Е Сы откусил эгг-тарт и невнятно пробормотал: — На самом деле все эти годы у меня на душе было ужасно тяжело.

Сун И: «?»

У Син: «?»

Е Сы уставился в свою тарелку и с честным лицом принялся нести сущую ахинею:

— Просто я подумал... Отцу нелегко зарабатывать деньги и содержать меня одного, а я только и делаю, что транжирю. Хотя он зарабатывает столько, что мне всё равно не промотать... Эх, ладно, не о том речь. В общем, на уроках я всегда слушал, а домашку, которую и так умел решать, просто лень было писать. Но сейчас начался третий год старшей школы, скрывать потенциал больше нет смысла. Вот и решил проверить, сколько баллов я реально могу набрать.

После этих слов четыре глаза Сун И и У Сина вылупились и стали круглыми, точно стеклянные шарики.

Ты какую ахинею сейчас несёшь?!

Е Сы раздражённо вздохнул:

— Да правда это! Не верите — спросите Ху Сюцзе и остальных. Они только что в учительской меня обо всём переэкзаменовали.

— И то правда, — неохотно кивнул У Син. — Если бы что-то было не так, Ху Сюцзе не отпустил бы тебя просто так.

— Ну ты даёшь, брат Е! Бог Е! — Сун И хлопнул по столу. — Так ты, оказывается, скрытый гений! Офигеть, а я-то реально думал, что ты такой же двоечник, как и я! Я ещё удивился, чего это ты на экзамене по родному языку сам решил скинуть мне ответы. Разобрался, значит, и про братана не забыл!

Е Сы молчал.

Ему очень хотелось, чтобы Сун И никогда в жизни не увидел проверенную работу по родному языку.

— Честно говоря, у меня прямо от сердца отлегло, — сказал Сун И. — Я уже представляю рожи тех училок, которые вечно смотрели на нас свысока. До чего же кайфово! Брат Е, продолжай в том же духе, покажи этим предвзятым преподам, на что ты способен!

— Точно, — кивнул У Син. — Ху Сюцзе вечно ставит тебя в пример нашему классу как наихудший образец. Каждый раз хотелось врезать ему. А теперь отлично! Брат Е, держись в 4-м классе и через месяц оттуда не вылетай!

Все трое немного погрустили над этим, как вдруг Сун И добавил:

— Эх, теперь ты покидаешь список худших учеников... Мне аж как-то тоскливо стало, даже непривычно.

— Это точно, — вздохнул У Син. — Такое чувство, будто мы лишились какой-то важной

традиции.

Е Сы запнулся и произнёс:

— Я и сам не хочу, но мне приходится учиться.

— Чтобы выжить, нужно усердно учиться, — тихо проговорил Е Сы, глядя на свой поднос.

Глядя на У Сина и Сун И, уплетающих еду за обе щеки, он вдруг почувствовал вину перед своими друзьями.

Что случится, если они перед самым входом на гаокао вдруг узнают, что он скоропостижно скончался?

У Син вечно балансирует на грани проходного балла в обычный вуз — после такого шока он явно завалит всё вчистую. А Сун И, скорее всего, будет до конца жизни жалеть о том бокале пива, который ему налил, и получит психологическую травму на всю жизнь.

Хотя дело было вовсе не в том пиве.

А отец... Наверное, возненавидит себя за то, что накануне гаокао не приехал побыть с сыном, и, скорее всего, никогда себя не простит.

Вот уж действительно...

Чёрт.

Сун И подгрёб очередную порцию, поднял голову и растерянно спросил:

— Ты чего плачешь? Раз в жизни сдал нормально экзамен, и уже такая эйфория?

— А? — Е Сы опомнился. — Кто, блядь, плачет?

— Глаза у тебя покраснели, — спокойно сказал У Син, перекладывая Е Сы в тарелку куриную ножку. — Хватит уже. Ты пока едва-едва удержался в профильном классе. До распределительного экзамена ещё месяц, а до гаокао — целый год. Радуетесь так, будто первенство по всей провинции взял.

— Вот именно, как будто мира не видел, — поддержал Сун И, бросая Е Сы ещё один эгг-тарт и взъерошив ему затылок. — Ешь!

— Ем, — кивнул Е Сы. Он наклонил голову, засунул тарт в рот целиком и вместе со сладостью проглотил подступившую к горлу и носу жгучую слезливую теплоту. — Ещё целый год.

Автор хочет сказать:

«На самом деле Цаньдань — просто упрямое и выпендрёжное яйцо. Поведение у него грубоватое, но вообще-то оно хорошее яйцо», — спокойно произнёс Фодань.

Сказав это, Фодань взглянул на повалившегося на стол Цаньданя и молча подопёр его своим боком.

«Держись, Цаньдань», — сказал Фодань.

Автор с умилением уложил оба яйца в маленькую корзинку и накрыл розовенькой тряпочкой.

\*\*\*

На ужин Е Сы переел так, что, выходя из столовой, ощущал себя так, будто несёт собственный живот в руках — а если отпустить, желудок сразу опустится до самых пят.

— Вы двое больные, что ли? — вспыхнул Е Сы. — Один суёт куриную ножку, другой — тарт. Закормить меня до смерти решили?

— Сам как свинья уплетал всё, что дают, а ещё на нас катишь, — фыркнул Сун И. — Я вот даже не наелся.

— Я тоже не наелся, — У Син снова вернулся в своё привычное сонное состояние. — Когда я не наедаюсь, меня ужасно клонит в сон. На вечерней самоподготовке буду спать. Надеюсь, Ху Сюэ не придёт меня ловить.

Ужин в Инчжуне длился с пяти до шести вечера. Троица просидела в столовой до пяти пятидесяти. Е Сы из-за переедания плёлся слишком медленно, так что к дверям класса он подковылял ровно под звонок.

Оперевшись руками о два стола у задней двери, он запрыгнул на своё место. Хэ Сю ещё не вернулся.

Классный руководитель Лао Цинь стоял на трибуне со строгим лицом:

— Сегодня вечернюю самоподготовку веду я. Работы уже раздали, так что сегодня изучите свои результаты. Если возникнут вопросы — подходите ко мне, но в классе должна быть полная тишина.

Все зашуршали бланками. Е Сы оглянулся и увидел, как Сун И с немим изумлением держит свою первую работу: сквозь обратную сторону бумаги просвечивали три огромных ярко-красных креста. Е Сы из последних сил сдержал смех и уткнулся лицом в стол.

Лао Цинь продолжил:

— Результаты разминочного экзамена объявлены. Хотя распределения по классам ещё не было, ваш третий год старшей школы официально начался, так что пора взяться за ум. О дисциплине скажу кратко, лишь одно: почему некоторые ученики вечно возвращаются в класс с неохотой и ровно под звонок? Неужели лишние десять секунд на улице позволяют вкушать всю сладость свободы?

В классе дружно зарыдали от смеха, но Е Сы было не до смеха. Он бросил взгляд на пустое соседнее место и хотел было написать Хэ Сю, спросить, где тот ходит, как вдруг осознал, что у него даже нет его контакта в соцсетях.

Он долго копался в общем чате класса, пока наконец не отыскал профиль Хэ Сю. Никнеймом стояло его настоящее имя. Хэ Сю никогда ничего не писал в чате, поэтому Е Сы впервые увидел его аватарку.

На ней был изображён персонаж в стиле западных комиксов: в каштаново-бежевой одежде, ботинках вроде «мартинсов», с длинным луком за спиной и кожаным колчаном со стрелами на поясе.

Выглядел чувак довольно симпатично, но, кроме этого, ничего общего с Хэ Сю у него не было.

Е Сы даже усомнился, действительно ли это Хэ Сю, и наобум отправил запрос в друзья с пометкой: «Твой сосед по парте».

[Вы стали друзьями с Хэ Сю! Теперь вы можете общаться!]

Добавил.

Е Сы бросил взгляд на Лао Циня, всё ещё толкавшего речь о дисциплине, и быстро набрал сообщение:

«Ты где?»

Хэ Сю ответил: «Только подошёл».

Подошёл?

Е Сы отложил телефон и вдруг ощутил, как из открытой задней двери донёсся едва уловимый персиковый аромат. Он чуть повернул голову и заметил у дверного косяка белеющий край рубашки, трепетавший на ветру.

Первой мыслью в его голове было вовсе не изумление от того, что великий Бог Учебы прячется за дверью, а возмущение: этот гад тайком от него жрёт конфеты!

Какой беспредел! Никакого уважения к добрососедским отношениям.

Лао Цинь расчувствовался, рассуждая о дисциплине, поднял мелок и повернулся к доске, выведя четыре больших иероглифа: «Третий год настал». И прямо в тот момент, пока он писал, Хэ Сю бесшумно юркнул из-за двери, уселся на стул и спрятал ноги под стол — всё одним плавным, отточенным движением.

Однако порыв ветра качнул дверь, и та издала лёгкий скрип. Лао Цинь обернулся и встретился взглядом с Хэ Сю.

Е Сы сам не понимал, что с ним происходит, но вдруг почувствовал нервозность. Хотя обычно, опоздай он сам на тридцать пять минут из сорока, и ухом бы не повеёл.

Лао Цинь нахмурился:

— Ты всё это время сидел в классе?

Хэ Сю спокойнейшим образом ответил:

— Разумеется.

Выражение его лица было столь праведным и невозмутимым, словно он восседал на этом месте с доисторических времён, и никакие землетрясения, оползни, извержения вулканов и концы света не смогли бы сдвинуть его с места.

Е Сы был поражён такой феноменальной наглостью до глубины души.

Лао Цинь сначала был твёрдо уверен, что там никого не было, но теперь усомнился в собственной памяти и спросил:

— И что же я только что говорил?

— О дисциплине, — ответил Хэ Сю. — О том, что с началом третьего года старшей школы нужно взяться за ум, не разговаривать на самоподготовке и не опаздывать.

Телефон Е Сы завибрировал: Сун И прислал целую вереницу вопросительных знаков: «Вы двое сработались просто идеально!»

Е Сы незаметно набрал ответ: «Никто не срабатывался».

Он сделал паузу и добавил: «Я вообще-то хотел ему подпеть, но он заграбастал все мои реплики».

<http://bllate.org/book/18378/1766688>